

Ю.А. Сорокин

Институт языкознания Российской Академии Наук, г. Москва

Y.A. Sorokin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

КОНЦЕПТУАЛИСТСКИЕ ТЕКСТЫ: РОД МУЖСКОЙ, ЧИСЛО МНОЖЕСТВЕННОЕ

CONCEPTUALISTIC TEXTS: MASCULINE GENDER, PLURAL

Ключевые слова: концептуалисты, интерпретация, концептуалистская литература

Keywords: conceptualist, interpretation, conceptualist literature

В статье автор рассказывает об особенностях концептуалистской литературы, а также о вербальном и невербальном поведении писателей-концептуалистов.

The author tells about conceptualist literature, verbal and non-verbal behavior of conceptualist-writers.

Любой автор рассчитывает, что его произведения – поэтические или прозаические – будут читать. Концептуалисты – не исключение в этом отношении, ибо в противном случае они не публиковали бы свои произведения, а писали бы в ящик. И конечно, они надеются, если не на успех, то хотя бы на ту или иную реакцию. Какова же она?

По мнению студентов и школьников (было опрошено почти четыреста человек), которым предложили кратко сформулировать идею текстов Д. Пригова («Калинин и девочка» и «Вот избран новый президент»), В. Сорокина («Прощание» и «Возможности») и «Все дальше и дальше» Л. Рубинштейна и указать, с помощью каких языковых средств она выражается и какие эмоции вызывает тот или иной текст, эти коммуникаты в лучшем случае некомфортны. Вот их итоговые оценки: 29% испытуемых отказываются от интерпретации этих текстов, 43% интерпретируют бесконнотативно, 4% рассматривают эти тексты как психопатологические. 73% испытуемых негативно относятся к концептуалистской литературе, 12% - позитивно, а у 13% испытуемых наблюдаются амбивалентные эмоции. К текстам Л. Рубинштейна испытуемые относятся более положительно: 25% позитивных эмоций против 7%, провоцируемых текстами Д. Пригова и В. Сорокина (подробнее см.: Сорокин, Чижова, 1996).

Признавать или не признавать концептуалистскую литературу – дело вкуса. Ее можно хвалить, но можно и хулить, как это делал по другому поводу тыняновский Василий Львович Пушкин: «Скука ... скука-то какая! Вот так бард! Такому барду – на чердак дорога. Там ему место. <...> Вы меня, милостивый государь, зовете «вкусоборцем», – кричал он, – да, я вкусоборец. Ваше слово нелепо, подло ... но отныне я его принимаю. Я вкусоборец! Таким родился, таким и умру» (Тынянов, 1956: 216).

Как это ни парадоксально, большинство наших испытуемых также оказываются вкусоборцами (или антиконцептуалистами). Говоря иначе, отрицательное отношение к концептуалистской литературе – знак того, что в ней предлагаются такие ментально-тропологические/метаболические решения, которые противоречат образу видимого и мыслимого мира наших испытуемых. Словом, это знак разрыва между когнитивно-когнитивными установками читателей и писателей (реципиентов и продуциентов), а также знак смещений/деформаций в художественной парадигме (см. об этом: Сорокин, 1994).

Схожие разрывы наблюдались и прежде, например, в XVII веке, когда литераторам пришлось выбирать между установками Симеона Полоцкого и Аввакума, между обмирщением и оцерковлением (см. в связи с этим: Панченко, 2000). Этим же разрывом постепенности характеризуется и время между 1917 и 1985 годами. Следует также учитывать, что на отечественное междумирие оказывает подспудное влияние и уменьшающаяся креативность «осевого времени». И все-таки копии/«вицефигуры» (см. по этому поводу: Панченко, 2000: 166-167), используемые в культуре барокко, весьма схожи с теми, которые используют концептуалисты. Не менее показательна и их установка на то, что можно было бы назвать «одноразовой литературой» (ср. с понятием «одноразовой культуры» у А. Тоффлера, см.: Тоффлер, 1997: 41), которой также не чуждались и литераторы XVII века, хотя и не ориентировавшиеся, как современные концептуалисты, на антихарактерологическую речь;

1) «Один, два, три, четыре священных трепета

Капельку, капельку крови забыли!

Отчего же забыли

Не забыли»;

2) «испытание снегом и копотью

Внутри капельки крови таящееся существа

Грааль, пой Грааль! Лю-ли, лю-ли, Грааль

Священный» (Пригов, 1993: 37; 51);

3) «жили же люди

жили

жили люди

жили люди

жили люди

жили люди

жили

и ничего» (Некрасов, 1989).

Оспаривать такую языковую/речевую фактуру бесцельно. Ей можно лишь что-то противопоставить, хотя и формально схожее – белые стихи/верлибр – но не «одноразовое», а стремящееся к реализации некоторой метаустановки (трансцендирующие стихи):

- 1) «Падая, тень дерева увлекает за собой листья»;
- 2) «когда умирает птица
в ней плачет усталая пуля,
которая так хотела
всего лишь летать, как птица (Жданов, 1991: 17, 20);
- 3) «птицам страшно видеть
как громко мы дышим» (Бурич, 1989: 139);
- 4) «птица –

стремительный жест пространства» (Джангиров, 1990: 65).

Говоря словами А. Панченко, у концептуалистов, по-видимому, «... и почерк ... «зело бе мелок и ум писист ...»». (Панченко, 2000: 308), оттого они и не любят краесогласий. И чураются их. И проигрывают (мысль Ю.И. Тынянова) в точности и верности поэтической мысли, «навязываемых» рифмованной речью. Поэтому их «фактуре» нельзя не предпочесть, например, такую:

- 1) «О позолоченная память
над позвоночником коня.
Я у Собора под глазами,
ты под глазами у меня»;
- 2) «кони
кони
кони
кони
синяки секунд семьей.
Кормят кормят кормят кормят
желторотый гроб землей.

Все небесное за мной
грех с тобой и Бог с тобой.
Царство ли небесное
цаплям неизвестное?!» (Леонид Губанов, машинопись).

Наблюдая за вербальным и невербальным поведением писателей-концептуалистов, нельзя не отметить, что концептуалисты – это шоумены, актеры, перфомансисты, которым нужны не скриптории, а теле- и киноплощадки, на которых и над которыми, если, конечно, повезет, может оказаться очень звездно.

Литература

1. Бурич В. Тексты. – М.: Советский писатель, 1989. - 176 с.
2. Джангиров К. Прикосновение. – М.: Советский писатель, 1990. – 200 с.
3. Жданов И. Место Земли. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 112 с.
4. Некрасов В. Стихи из журнала. – М.: Прометей, 1989. – 96 с.
5. Панченко А. О русской истории и культуре. – СПб: Азбука, 2000. - 464 с.
6. Пригов Д. Пятьдесят капелек крови. – М.: Текст, 1993. – 112 с.
7. Сорокин Ю.А. Базовые качества современной русскоязычной прозы и поэзии как знаки когнитивной катастрофы // Этническая конфликтология. – Самара: Русский лицей, 1994. .
8. Сорокин Ю.А., Чижова Е.А. Концептуалистские тексты и их оценка читателями (опыт исследования в духе М.М. Бахтина) // Русский филологический вестник, 1996, №1.
9. Тоффлер А.. Футурошок. – СПб., 1997. – 464 с.
10. Тынянов Ю. Пушкин. – М.-Л., 1956.

(0,25 п.л.)

References

1. Burich V. Texts . - Moscow: Soviet Writer , 1989 . - 176 .
- 2 . Dzhangirov K. Touch . - Moscow: Soviet Writer , 1990 . - 200 p.
- 3 . Zhdanov I. The place of the Earth. - M.: Molodaya gvardiya , 1991 . - 112 .
- 4 . Nekrasov V. Poetry Journal . - M.: Prometheus , 1989 . - 96 .
- 5 . Panchenko A. About Russian history and culture. - St. Petersburg: Azbuka , 2000 . - 464 p.
6. Prigov D. Fifty droplets of blood. - M. : Text , 1993 . - 112 .
7. Sorokin Yu.A. Basic quality of modern Russian language prose and poetry as signs of cognitive disaster // tech – Ethnic Conflict . - Samara Russian Lyceum , 1994 . .
8. Sorokin Yu.A., Chizhova E.A . Conceptualist texts and evaluated by readers (research experience in the spirit of M.M. Bakhtin) // Russian Philological Bulletin, 1996, № 1.

9. A. Toffler . Futuroshok . - St. Petersburg. , 1997 . - 464 .
- 10 . Tynyanov Yu. Pushkin . - Moscow-Leningrad , 1956 .